

ИСТОРИЯ СИБИРСКОЙ «ЛИТВЫ» В XVI–XVIII ВВ.

Лоткин Илья Викторович

Доцент, доктор исторических наук
Омский государственный университет путей сообщения
e-mail: lotkin1917@rambler.ru

Ярков Александр Павлович

Профессор, доктор исторических наук
Тюменский государственный университет
Зав. сектором этноконфессиональных отношений
Института гуманитарных исследований
e-mail: ayarkov@rambler.ru

Издали прошедшего (со времени описываемых ниже событий) трудно, а точнее – нельзя судить людей, которые волей обстоятельств (часто без желания) пришли «иноземцами» на сибирскую землю. Это касается и особой группы из военнопленных («вязней»), «самородков», ссыльных («опальных»), переведённых по службе и наёмников, просуществовавшей (вернее, полноценно жившей) почти 150 лет в азиатской части Русского государства и в абсолютном большинстве активно способствовавших его превращению в Российское.

Речь идёт об особой категории служилых людей¹ – «литве» (литвины / литовцы / казаки литовского списка), о на-

¹ Понимая разницу служилых людей: «по отечеству» – бояре, окольные, думные дворяне и дьяке, стольники, стряпчие, московские и выборные дворяне, дети боярские; «по прибору» – стрельцы, пушкары, казаки (в т. ч. беломестные), солдаты, драгуны, рейтары, затынщики, государственные ремесленники и др.), будем помнить, что «литвины» могли быть позднее причислены к разным группам.

именовании которых можно однозначно говорить лишь в плане указания на места первоначального исхода их большинства. Пройдя испытание временем и обстоятельствами, они разделили с другими людьми, населявшими Сибирь и Дальний Восток в XVI–XVIII вв., все тяготы жизни и перипетии истории. Сколько из них – белорусы? Сказать трудно уже потому, что окончание этнических процессов в Принеманье и Полесье совпало по времени с освоением Сибири, но примечательно, что иной раз и встречается в документах упоминание: «литовские ж люди белорусцы».

В отечественной исторической науке проблема появления «литвы» в Сибири получила определенное освещение. Так, первые упоминания о них встречаются в классическом труде академика Г. Ф. Миллера «История Сибири», первый том которого вышел в свет на русском языке еще в 1750 г. Здесь есть многочисленные факты о том, что

«пленные литовцы еще в 1594 г. несли службу в Тобольске под командой головы Своитина Руносова». В наказе князю Андрею Елецкому, отправленному в Сибирь для закладки города на реке Таре, говорилось: «А как город поукрепят, и князю Ондрию с товарищи над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить, а себя от него уберечь. И проведав про него подлино, послать на него посылку большую конных всех и из Тобольска с вогненным боем: Тобольских и Тюменских литву, и атаманов и казаков, и служилых татар и башкирцев...» Говорилось и о том, что «да из Тюмени велено послать выбрав литвы, и черкас, и казаков конных 40 человек...» Хорошо известно, что в тобольской дружине было 40 литовцев [Миллер. Т. 1. С. 288, 357, 359, 367]. В «Грамоте царя Федора Ивановича в Тару воеводе Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и нагайцах», посланной 16 августа 1595 г., в общем списке служилых людей называются литовцы. Служилые литовцы вместе с казаками в Березово составляли 70 человек. В челобитной казака Василия Ананьева, написанной не ранее 1616–1617 гг., имеется упоминание о присланном в «Томский город» литовском десятнике [Миллер. Т. 1. С. 396, 445].

Во втором томе своего труда Г. Ф. Миллер цитирует отписку кетского воеводы Григория Елизарова в Москву, посланную в декабре 1609 г., где в числе государевых служилых людей называется литвин Яцко Высоцкий. Встречаются имена тобольского литвина Матвея Вишневого и Яна Федьковского, пельымского литвина Клина Грицкого и

др. Царь Михаил Федорович в грамоте в Тобольск воеводе боярину Матвею Годунову о жаловании литвина Яна Кучи 3 июня 1620 г. отмечал его заслуги в открытии соляного озера близ Тары, а также в военных сражениях и на дипломатической службе. Вместе с Яном Кучей честь открытия соляного озера разделяет и литовский ротмистр Бартош Станиславов, который в 1613 г. побывал там и доставил в Тобольск соль. Это озеро снабжало солью значительную часть Сибири. В Пелыме имелась даже литовская слобода, которая пострадала при пожаре летом 1621 года [Миллер. Т. 2. С. 216, 236, 164, 151, 292, 252, 34, 266].

Упомянул о сибирских литвинах и известный советский историк С. В. Бахрушин. Он писал, что события иностранной военной интервенции начала 17 века привлекли в пределы России большое количество иноземцев, часть из которых не смогла вернуться на родину и осталась в Сибири. При правлении царя Михаила Федоровича большая часть из них была постепенно удалена в дальние сибирские города. Так, в 1619 г. в Сибирь было сослано сразу 75 человек «литовских людей», в 1620 г. – Антон Добрынский с 36 товарищами поляками и литвой, в 1621 г. – «литовские люди» из литовского полка. Надо отметить, что литовцы в этот период были представлены практически во всех сибирских городах и даже служили в Мангазее, бывшей в течение пяти десятилетий XVII века одним из важнейших центров русских промыслов на севере Сибири [Бахрушин. С. 163, 187].

О социальном и национальном составе переселенцев в Сибирь писал

В. В. Покшишевский. По его мнению, основной поток переселенческого движения в Сибирь исходил из очагов пережитков крепостничества, малоземелья, «отрезков» [Покшишевский. С. 3]. При этом, как отмечал автор, контингент первых переселенцев был довольно пестрым. По «государеву указу» в сибирские города переводились «пашенные крестьяне», призванные облегчить своим трудом снабжение новой «государевой вотчины» продовольствием, а также казенные ремесленники. Помимо «государевых людей» уже с первых лет освоения Сибири как в «службу», так и в «посад» и в «пашню» стали ссылать участников антифеодальных выступлений, преступников, а также иноземцев из числа военнопленных. Ссылные и в дальнейшем составляли значительную часть отправляемых за Урал, особенно в наименее заселенные и благоприятные для жизни районы края. Так, в 1645 г. в Сибири значилось около 1,5 тысяч ссылных, из которых почти половину составляли пленные шведы, поляки и литовцы [Покшишевский. С. 55].

Известный исследователь Сибири В. И. Шунков подсчитал, что в 1641–1642 гг. с сентября по апрель в Тобольске было принято ссылных «русских и литовских людей и черкас и мордвы» 134 человека. Материалы сыска 1651 года «про перебежчиков Свейской земли, про корелян и латышей и по всяких причинных людей», – как считал автор, – показывает присутствие в Сибири и лиц, пришедших из новгородских пятин [Шунков. С. 15–51]. Причем характерно, что почти целиком «в службу, а не пашню» верстались ссылные литовцы, шедшие

в Сибирь большими партиями. Зато в 1600 г. в Тару было выслано «на пашню» 43 ссылных латышей и русских [Шунков. С. 18, 20, 21]. Конечно, не одна «государева воля» и не одна лишь жажда наживы двигали направлявшимися в Сибирь людьми. Путем ухода на новые земли пытались избавиться от налогового гнета и феодального произвола массы «черного люда».

В середине 1990-х годов историю появления «литвы» в Западной Сибири затрагивал новосибирский историк М. Н. Колоткин [Колоткин. С. 12–14].

Мы же отметим, что понятие «литва» появилось в Позднее Средневековье, являясь не этнонимом², а политонимом, обозначая сначала подданных Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. Как заметил С. Г. Филь: «Начиная с XVI в. «литвин» – не только человек, говорящий по-литовски, но также по-русски и по-польски, т. е. это любой житель огромных пространств Великого княжества Литовского» [Филь. С. 5]. Соответственно, по происхождению «литвины» могли и не быть литовцами³, а оказаться белорусами, украинцами (черкасами / черкесами / малороссами), поляками, русинами, немцами (немчинами), русскими. Последнему не стоит удивляться: не только Полоцкая, Витебская, Минская земли, но и Смоленщина почти 300 лет входили в состав Литовского княжества (Русско-Литовского государства), сохраняя

² Среди «литвы» встречались ханты и другие «природные» сибиряки. Да и не может этнос состоять только из мужчин, какими являлись все «литвины».

³ Самоназвание литовцев – летувай.

определённую автономию, да и русский язык имел там статус государственного, а часть населения осталась православным [ИЭС. Т. 1. С. 187].

Сложно выявить этническое происхождение одного из руководителей сибирского старообрядчества, писателя Авраамия (Алексея Венгерского), родившегося в Тобольске приблизительно в 1632 г. Дело в том, что его отец – «литвин» Криштоп (при крещении Иван) Венгерский (фамилия примечательна), взят в плен во время похода польского королевича Владислава на Москву. В 1618 г. Криштоп сослан в Тобольск, где женился на сибирячке и служил рядовым казаком, затем атаманом, а в 1630–1640-х гг. стал тобольским сыном боярским.

В 1647 г. вклад отца повёрстан Алексей, но его не прельщала мирская жизнь: около 1658 г. принял монашеский постриг под именем Авраамия в одном из старейших сибирских монастырей – Кодском (Кондинском). В то время не только в Москве, но и Тобольске проходили ожесточенные «споры о вере», а «проигравший» – Авраамий отправлен в ссылку. Вернувшись, вместе с Иваном Кодским перебрался в Троицкую пустынь (Кондинскую заимку) на реке Исети, превратив её в один из центров сибирского староверия. До сих пор могила этого бывшего «литвина» на Бахметских болотах является местом паломничества старообрядцев, а Память Авраамия установлена 13 сентября.

В 1569 г. от «политического брака» Польского королевства и Литвы родилась Речь Посполитая, где проходили иные, отнюдь не мирные процессы колонизации и католизации, а после Брестского соглашения 1596 г. появились униаты – греко-католики. И если жившие общиной крестьяне ещё могли сопротивляться такой «интеграции», то

дворяне выгодно для себя становились польской шляхтой, поступаясь православием. Показательна родословная путешественника по Сибири, Дальнему Востоку, Китаю, Средней Азии, считавшего себя русским Николая Михайловича Пржевальского, чей предок – запорожский казак Корнелий Паровольский нанялся на службу Речи Посполитой, стал католиком и шляхтичем, но с вхождением белорусских земель в состав России его потомки вновь приняли православие. Характерна судьба князя из бывших шляхтичей Великого княжества Литовского В. М. Рубец-Мосальского⁴, выехавшего в 1590 г. в Москву «под царскую руку», а затем направленного в Тобольск воеводой.

И это не исключительный случай – в 1581 г. на службе у короля Речи Посполитой Стефана Батория состоял полк из 500 запорожских казаков, которым командовал Ян Оришовский в звании «поручика казаков низовых запорожских». При записи в официальный реестр более половины его казаков указало, что происходят: из земель Украины – 184 чел. (70 из Киевской земли, 74 из Волынской земли, 20 с Волыни и Подолья, 12 из Галичины, 8 из Холмины и Подляшья), из белорусских земель – 140, из Московии – 24, из Польши – 10, из Литвы – 9, два пятигорца (один – «пятигорский черкес»), а также по одному немцу, сербу, «татарину» (предположительно беженец из Крыма, отрекшийся от ислама), «кафинцу» (из Кафы-Феодосии, возможно, грек или итальянец-генуэзец). Таким образом, из 373 чел. 49 % родом из Украины, 38 % из Беларуси, 6 % из Московии, по 3 % из

⁴ «Володимир Рубец-Мосальский» В. А. Ермоленко ошибочно назван Василием Масальским [Ермоленко. С. 11].

Польшы и Литвы [Грушевский]. Немецкие историки проанализировали имена и прозвища 356 чел. из них, и пришли к сходному выводу: 45 % с земель Украины, 40 % из Беларуси, 10 % из Московии, 5 % из Польши [Liber].

Исследования черепов запорожских казаков не выявило больших примесей: все типы находятся в рамках антропологического комплекса северных и центральных европеоидов, где самый многочисленный (34,2 %) – нордический [Єндик; Дяченко].

Долгое время между Московским государством и Речью Посполитой спор за возврат «исконных» территорий, сопровождавшийся бегством «литовских мужиков», насильственным уводом мирного населения или пленением. Именно такими «литвинами» и пополнилась отправившаяся «встречь Солнцу» дружина Ермака. Атаман, участвуя в 1581 г. в белорусском походе против Стефана Батория, понимал – самоидентификация «литовских ж людей белорусцев» иная: по наименованию конкретного поселения (оршанцы, мозыряне), либо регионального центра – воеводства или княжества (полочане, витебляне, смоляне и т. д.). Так, родоначальником донныне здравствующего тобольского клана Аршинских стал бывший защитник интересов Речи Посполитой, пленённый «литвин» Павел из-под Орши, составивший на новой родине вполне солидную карьеру.

Дружина Ермака по существу была наёмной (Строгановы снаряжали и платили ей жалованье), состояла не только из русских, но и «литвин», немцев, татар, поляков, «черкас», коми, чувашей. Один из первых летописцев края – Савва Есипов изображал отряд и его действия как «должно быть» – в соответ-

ствии с литературным этикетом, «обряжая» произведение, его содержание традиционными образами и формулами в показе идеальных героев: «Казацы же, видевше таково собрание поганых, нимало того устрашишася. Бысть же ту брань велия, и побиша поганых множество, на бежение поганьи устремишася» [Казаки. С. 108].

Известно несколько сподвижников Ермака, имевших отношение к «литве»: один из старейших «ермаковых казаков» Гаврила Иванов(ич?) ещё до похода около 20 лет жил, якобы, в родной станице Ермака. В Сибири отслужил 42 года, участвуя в разгроме Кучума и пленении царевича Алия, в строительстве Тюмени, Тобольска, Тары, Пельма, Томска, в походах в Кузнецкую землю и на калмыков, а в 1623 г. назначен атаманом тюменских конных казаков и «литвы».

Никита Брянцев служил в Сибири «лет с 80 и больше», а в 1629–1630 гг. упоминался как «литвин». Дожил бывалый воин до глубокой старости, умерев в Тобольске в 1666–1667 гг.

Упомянутый Павел Аршинский участвовал в Ирменском сражении с Кучумом в 1598 г. и сопровождал его пленённую семью в Москву. В 1624 г. он – тобольский сын боярский. Его сын Богдан ещё продвинулся по службе, став казачьим головой Тобольска. Богдан приводил к «государевой руке» татарские улусы на озере Чаны. Слыл он и предприимчивым хозяином: занимался земледелием и имел деревню в несколько дворов, а посольские поездки к калмыцким тайшам использовал для личных торговых сделок.

Дружина, сильно поредевшая после смерти Ермака, оказалась бы не в состоянии отстоять завоёванное, если бы последующее политическое продвижение государства не совпало с желанием

россиян и иностранцев получить новые возможности: в карьере, торговле, ремёслах, наделы и угодья. После окончания Ливонской войны у Москвы появилась возможность помочь сподвижникам Ермака. Среди них оказался Матвей (Матьяш) Угреин, который при Иване Грозном въехал в Москву «из Литовски земли», «а как де Ярмек с товарищи Сибирь взял», то послан в Тобольск и служил «лет с пятьдесят в литовском списке». Встречались и предатели, подобные Якобу Григорьеву, сбежавшему из Тобольска (при правлении земляка – В. М. Рубец-Мосальского) к Кучуму, у которого прослужил десять лет. Примечательно, что сопровождал в Москву пленённого Григорьева другой «литвин» – Иван Залесский [История Ямала. С. 183].

Встречая сопротивление Кучума и его потомков, правительство решило закрепиться сначала на северных территориях. Попутно шла промысловая колонизация: во главе отряда поморов прошёл в 1597 г. на кочах сквозь льды в устье Оби «пан литовский полонёник» Юрий Долгушин⁵.

Присоединение осуществлялось в ертаулах – передовых дозорных отрядах, после чего служилые основали северную линию острогов (Пелым, Берёзово, Мангазея); среднюю (Верхотурье, Сургут, Нарым) и южную (Тюмень, Тарский городок, Томск), ставших городами и опорными пунктами освоения других районов. Процесс проходил не

всегда мирным путём, но присоединённые племена не уничтожались, а интегрировались. Основные функции, исполнявшиеся служилыми: «<...> они содержали везде стражу, употреблялись при построении слобод, отправляли разные службы по городам при воеводах, чинили сбор ясака в казну от ясашных народов и удерживали их в надлежащем повиновении начальству» [ГБУТО ГАТО].

Имелась у насельников огромная проблема – нехватка продовольствия, поскольку собственных житниц первое время не было. Как отписывал в 1610 г. в Москву воевода Шуйский: «служивым людям на жалование на прошлый 117 (1609) и нынешний 118 (1610) год не прислано и в сибирских городах служилые люди помирают голодную смертью и от голода хотят пометать сибирские города и бежать на Русь». Поэтому практиковалась система, при которой служилым вместо хлебного жалованья давались пашни. Так, в 1623 г. в Верхотурском, Тюменском, Тобольском и Туринском уездах учтено 320 дворов представителей военных сословий: начальных людей, детей боярских, «литвы», новокрещёных, конных и пеших казаков, стрельцов, пушкарей. Ими обрабатывалось 1 311,4 дес. пашни, общая запашка (перелог, «пашенный лес дубровы») составляла 4 989,3 дес., т. е. в среднем на двор приходилось 15,7 дес. пашенных земель [Казаки. С. 67].

Чтобы обезопасить земледельцев, в Тобольском и Тарском уездах власть организовала систему застав и острогов для отражения набегов: калмыки часто объединялись с сыновьями, а затем и с внуками Кучума, совершая совместные походы на тобольские и тюменские волости [Буцинский. С. 156]. Так, весной 1632 г. для защиты от набегов

⁵ Только в 1619 г. царь Михаил Романов запретил «путь Долгушина» из Поморья в Мангазею для «непрошенных гостей» – иностранных купцов и контрабандистов [Ермоленко. С. 10].

«по вестям» отправлено в Тару с тобольским сыном боярским И. Шульгиным 40 «литвин», конных казаков и 60 юртовских служилых татар [Тобольск]. С той же целью построены Каурдатский, Тебендинский, Ишимский (Усь-Ишимский) остроги в Тарском уезде, в Тобольском – Вагайский и Тарханский [ТГВ].

В 1633 г. в Томск одновременно прибыли 150 «литвин», а в 1634 г. их там насчитывалось уже 200. В 1680 г. в городе служило также 16 выходцев из Польши, 7 греков, 3 немца, а в качестве пленных прислано 56 поляков и 4 немца. Естественно, что иноверцы в пёстрых по этническому составу командах служилых людей – социальной опоры власти – чаще подвергались ассимиляции.

Власть нарабатывала, иногда через печальный опыт конфликтов, стратегию подчинения подданных, а тактика (выстраивание различных моделей) чётко просматривается в истории края XVI–XVII вв., поскольку его специфика состояла в относительной бесконтрольности со стороны центральной власти и потому крайней коррумпированности воеводского управления, в отсутствии крепостного права и помещичьего землевладения, слабой сельскохозяйственной и наличии обширного фонда незанятых земель. Всё это накладывало отпечаток на отношения между населением и государственной властью, которую воплощал и один из первых сибирских воевод князь Семён Болховский – представитель «литвы дворовой».

Поскольку главной целью землепроходцев была пушнина – наиважнейшая валютная статья дохода государства,

то «литву» активно использовали для объясачивания местного населения и, попутно, «проведания новых земель». В то время почти вся Сибирь не представляла интереса для земледельцев, а на севере это территория беспашенная, но богатая «мягким руном». В устье Оби под руководством воеводы Н. В. Траханиотова заложен Носовой (Низовой / Назовской) острог, ставший перевалочным путём торговых караванов и форпостом для служилых людей и промышленников, продвигавшихся берегом «Студёного моря» [Степанченко]. По этой же причине появилась Мангазея – фактория, а затем первый город на Ямале – в нижнем течении реки Таз у впадения реки Мангазейки (Осетровки), где оказались уже упомянутые белорусы Ю. Долгушин и князь В. М. Рубец-Мосальский [Ермоленко. С. 5, 11].

В 1600 г. первая экспедиция атамана М. Перфильев лишь разведала, а вторая (1601) под началом князя В. М. Рубца-Мосальского и письменного головы боярина С. Е. Пушкина уже построила воеводский двор, съезжую избу, амбары и Троицкую церковь. Сюда обычно попадали морем, но к 1619 г. правительство, недовольное беспошлинным вывозом пушнины, обеспокоенное попытками английских и голландских купцов и мореходов, наслышанных о «златокупящей Мангазее», проложить путь на Обь и Енисей, запретило Мангазейский морской ход. Постоянное население небольшое, хотя с зимующими промышленниками составляло небывалое для того времени и широт число, куда входил и «литвин» подъячий Никита Чаплин. Из-за постоянной военной опасности, исходившей от ненецких племён; оскудения соболиных угодий; резкого похолодания 1650–1680-х гг. в Арктике; смещения основных путей продвижения в Восточную

Сибирь и в южные районы, Мангазея оставлена населением. На месте города осталась одна жилая постройка и часовня.

Перебрались с Ямала и «литвины», которых в гарнизоне Новой Мангазеи (Туруханска) в 1676 г. насчитывалось семь (известных как выходцев из Речи Посполитой), но отделённых в списке от четырёх других «иностранцев» [История Ямала. С. 150]. Таким образом, «литва» и в глубине России оказалась зависима от Большой Политики. Ещё в 1619 г. «сосланные литовские пахолки должны были быть возвращены для размена пленными с поляками». Вернуться захотели не все: «17 человек крестились и бьют челом, чтобы им остаться в Сибири на государевой службе» [Клюева. С. 11].

В Тобольске, Тюмени, Таре, Красноярске существовали отдельные роты «литвы» (селившихся в «литовских слободах») во главе с прапорщиками, поручиками и ротмистрами. Известно имя жившего в тупике 1-й Гостиной улицы Тобольска ротмистра Станислава Бартоша (Б. Станиславова), первым дошедшего в 1613 г. до Ямыш-озера, где добывали соль [Филь. С. 22].

Данных об общем количестве «литвы» нет, но можно говорить о 5–6 тысячах, зачисленных в Поволжье и Сибири в (преимущественно) военную службу – в списки, хотя и называвшиеся «литовскими», но включавших разных людей. Да и деление условно: казак «литовского списка» мог заявить, что родом он «остяк, был ясашной»; капрал Дянгил Андерсен (предположительно «немчин»-наёмник в польской армии) отправлен на службу в Манга-

зею; Ефрем Тилвин считался новокрещеном из татар, служивших «в станице литвы и прочих инородцев», а бывший ссыльный «черкас» Андриюшка Сирота числился в Тобольске в «литовском списке». «Литвой» назывались и другие ссыльные, такие как Богданы – Халецкий и Матшечеев, прибывшие в Сургут в 1656 г. [История Ямала. С. 191, 194; Карабулатова; Филь. С. 15].

Удельный вес бывших иностранных подданных колебался в тех списках до 10 %: шляхтичи, как грамотные и «искусные в воинском деле», несли службу в чинах детей боярских, именуясь с отчествами (Васильевич, Лукьянович). Последние составляли большинство высшего командного состава местных гарнизонов, и лишь они могли стать головами. Они же обычно назначались атаманами конных казаков и стрелецкими сотниками, и в отдельных случаях – атаманами пеших казаков. Рядовая «литва» числилась в конных и пеших казаках с именами «подлого происхождения»: Пашка Нечецкий, Микулайка Яншкуцкий, Федко Медведев и др., называвших себя «холопи государевы».

Основным источником пополнения служилых «по отечеству» стали приезжие и переведённые и ссыльные русские дворяне и дети боярские, выходцы из «литвин» и «немцев», конные казаки, повышенные в чине из людей «по прибору» за заслуги на государевой службе. С 1630 г. разрешено верстать ссыльных «иноземцев», принявших православие. Позднее Сибирский приказ и воеводы проводили «разборы» служилых людей, после чего верстания в дети боярские осуществлялись из потомков с учётом заслуг. Остальные же потомки служили в «литовском списке» или конных казаках [ИЭС. Т. 2. С. 9].

Заметим, что адаптация «литвы», в отличие от уроженцев германских земель, была облегчена языковой близостью или знанием русского, но природные особенности края для всех уроженцев Европы одинаково суровы. Отсюда и их высокая смертность. Поэтому не все служилые люди хотели переселяться, и правительство решило откомандировать иноземцев, но из 140 «поляков, литвы и черкес» до Сибири добрались только 92 [Клюева. С. 10], хотя повиноваться обязывала присяга, а стимулировать должно было жалование.

«Литвины» из-за недостатка славянок иногда женились на представительницах аборигенного или коренного населения, а их крещёные с младенчества в православие сыновья-метисы (именованные «русским прижитком») верстались в отцовскую службу, но зачастую более успешную и выгодную (толмач имел денежный оклад в 7 руб. 25 коп., тогда как пятидесятник 5 руб. 25 коп.), поскольку знали «природные» языки отцов и матерей, их культуру и традиции. Дочери «литвин» не числились в списках, но были несвободны при выборе суженого – решали отцы и, как правило, в пользу сослуживцев. Это и житейски оправданно: по ментальности и укладу быта «литва» отличалась от остальных сибиряков, соответственно, молодым легче выстроить отношения в семье. По традиции того времени это большие, неразделённые – двух- и трёхпоколенные кланы. Связано это с тем, что служба не располагала к самостоятельной жизни молодой семьи и укоренённости: одна из важнейших функций служилых людей в XVII в. – устройство других родов и острогов.

Гарнизон, расположенный в Тобольске, являлся самым крупным, поскольку с 1590 г. – это главный город в Сибири, где также мощно была представлена «литва»: в 1624 г. из 245 дворов им принадлежало 26 [Филь. С. 17]. Превратившись в 1629 г. в центр разряда, состоявшего из девяти уездов, Тобольск посылал по рубежам ежегодно несколько десятков «литвинов», а смотря «по вестям и более того». Гарнизоны были смешанными, объединяя воинов, прежде всего, делом и присягой. Например, в 1593 г. для строительства Тарского городка направили из Казани Тетюшей тысячу пленных родом из Речи Посполитой, а в следующий год наряду с 450 татарами с верховьев Иртыша, 300 башкирами, 100 казанскими и свияжскими татарами, 50 пленными польскими казаками, там было 100 тобольских «литовцев» и «черкасов» во главе с Ропозовым и Черкасом Александровым.

Иван Александров(ич) Черкас (Черкас Александров) впервые упоминался как один из руководителей Сибирского посольства (1583) к Ивану Грозному. Он блестяще справился с возложенной миссией: уговорил царя сменить гнев на милость к Ермаку, «ослушно взяша Сибирь». В 1586 г., после возвращения, Черкас – среди основателей Тюмени и Тары, а позднее служил в Тобольске. У него было несколько прозвищ: если «Черкас» указывает на принадлежность к запорожским казакам, то второе – Корсак (распространенная фамилия среди полоцкой шляхты) – намекает на происхождение с Украины или Белоруссии. В 1593–1594 гг. он уже атаман, а в 1598 г. – голова тобольских служилых татар, участник окончательного разгрома Кучума.

Есть предположение, что Черкас являлся автором т. н. казачьего «Написания» о походе Ермака, на которое опираются последующие летописания, в т. ч. «История Сибирская», авторство которой связывают с ротмистром Степаном Станкеевым (Станкевичем), возглавлявшим до 1628 г. тобольскую «литву» [Александров; Филь. С. 22]. Впрочем, «литвины» оказались и действущими лицами агиографического памятника «Житие Василия Мангазейского», зафиксировавшими не только «чудеса» от мощей первого сибирского православного святого, но и подробности быта соплеменников-сослуживцев в отдалённом гарнизоне [Житие]. Военные, как и промысловики, составляли описания пройденного пути, в т. ч. картографические (например, карта Обской и Тазовской губ, озаглавленная «Губа море Мангазейско с урочище»).

Грамотность, склонность к «сочинительству» не удивительны – на польских и белорусских землях «братские» и «латинские» школы (как и в целом, книжная культура⁶) были широко распространены, а шляхтичи получали хорошее домашнее образование, обучались и в европейских университетах, знали фортификацию и военное искусство. Попав в плен, а затем и в Сибирь, приняв православие и русские имена, иным шляхтичам удавалось сделать здесь карьеру, а вот рядовые «литовского списка» – лишь составить существенную часть служилых. Первое время лишь неспособных к службе или неблагоприятных «литвин» сажали в посад и

⁶ На белорусских землях творили первопечатники Франциск Скорина и Иван Фёдоров.

раздавали «пашенным крестьянам для пашенного науку», откуда иные предпочитали бежать [Клюева. С. 11].

Не прельщала, но являлась обязанностью полицейская функция: вместе с конными казаками, служилыми татарами в 1616 г. «литвины» отправлены на усмирение взбунтовавшихся терсяцких татар [РИБ]. Не миновала их и участь сопровождать ссыльных, включая протопопа Аввакума, в дальние края.

«Литвинам» предстояло определиться в конфессионально-культурном выборе и ассимиляционной программе, поскольку специфика их жизни тому способствовала. Свидетельство – иерархия военно-служилого населения, отражённая в окладных книгах жалования, где первыми писались дети боярские, а вслед за ними (а то и вперемежку) упоминались «приказные» или «начальные люди»: головы (в т. ч. «татарские», которыми могли быть и «литвины»), ротмистры, сотники и атаманы. Потом следовали служилые «литовского списка». И лишь затем указывались новокрещёные, конные казаки, пешие казаки и стрельцы, пушкарки, а замыкали окладные книги юртовские служилые татары [Никитин]. Тем не менее, при подобном разделении «литвины» образовывали замкнутые группы (иногда возводя свои истоки к «ермаковым казакам»), культивируя семейные предания и сохраняя реликвии, но не всегда «природную» веру, поскольку не все являлись православными.

Причинами отказа частью «литвы» от религии предков могли быть не только материальные выгоды, но и обстоятельства службы: большое расстояние от «материнских» общин, отсутствие

священников, ограничения в исполнении ритуалов (под запретом находилось само исповедание в Сибири католицизма и униатства).

Впрочем, далёкая Отчизна и возвращение в лоно католицизма оказались достижимой мечтой: после заключения Андрусовского перемирия 1667 г. около 90 % уроженцев Речи Посполитой вернулись на родину⁷. Не могли этого сделать принявшие православие (как, например, Ивашко Речицкий, при крещении Пётр) или обзаведшиеся в Сибири семьями, но продолжая культивировать в них культуру (в т. ч. бытовую), присущую местам исхода. Рождались и синтетические образы: характерен в этом отношении заговор, записанный от сибирячки, один из предков которой – переселенец из Беларуси:

<i>Здравствуй, Абдула, пришел к тебе Акула, полой обтираю, Абдулу отгоняю.</i>	<i>Ешь не объедайся, пей не опивайся, на рождественский и торжественный день не забывайся [Ермакова].</i>
--	---

Перенесение из прежних мест исхода заговорных и фольклорных образов в Сибири объяснимо, ибо в обыденной жизни из-за объемных утилитарных потребностей контактирующих групп культурные границы стирались быстрее, чем в интеллектуальной сфере.

Иртышская оборонительная линия стала символом фронта, а срубленные городки – перевалочными пун-

⁷ По условиям договора белорусские земли остались за Речью Посполитой, но возможно, кто-то в Беларуси помнит, что их предки в Сибири были «литвинами».

тами продвижения вглубь азиатской территории. Например, список 1628 г. свидетельствует, что на годовой службе и в рассылках из Тобольска находилось 23 детей боярских, стрелецкий сотник, 147 юрговских служилых татар, а также 272 «литвина», казака и стрельца. Да и из других городков откомандировывались люди для несения гарнизонной службы в острогах и зимовьях, подведомственных определённому городу. Так, сформированные пельмская (в 1628 г. – 81 чел.), сургутская (202), берёзовская (293) и др. городовые команды стали первой организационной формой служилого сообщества. Эта структура была формальной (списочной), поскольку служилые из одного подразделения нередко несли службу в разных местах, а приказы существовали только в тех гарнизонах, где численность в одном подразделении достигала 500 чел., но таких гарнизонов было мало. Так, в Берёзово в 1627 г. находилось 3 сына боярских, 2 атамана, 9 иностранцев (литвин, немцев, черкасов), 280 казаков и прочих служилых [История Ямала. С. 146]. В таких условиях и ускорился процесс растворения «литвы» в среде служилых.

«Литвины», как и другие новосёлы, довольно быстро установили контакты с окружающим населением – возникла потребность в диалоге. Он складывался непросто: пришлые испытывали стресс от необычной среды обитания; коренные жители – от непривычного облика и характера жизнедеятельности соседей. Сложившаяся ситуация преодолевалась совместно, рождая альянс интересов.

Будем ответственные, С. В. Бахрушин говорил иною: «Русские люди XVII в.,

сталкиваясь с чуждыми для них бытом и мирозерцанием азиатских народов, проявляли чрезвычайно мало любознательности и полное отсутствие понимания».

Отсутствие очерченных границ, недостаток сдерживающих сил и общее «расстройство» государственного управления (Смутное время создало в центре страны уникальную ситуацию, когда власть оказалась в руках знати и народного ополчения, а сибирские воеводы, находясь в отдалении, пребывали в «подвешенном состоянии»), было чревато негативными последствиями, хотя имелась опора – служилое сословие. Но на его формирование в сибирских условиях оказывали влияние, как внешние факторы, так и внутренние⁸. Отметим, что власть не всегда доверяла «литве»: в комментариях «Повести о Таре и Тюмени» подчеркивались их изменнические настроения [Курилов].

Традиции сословно-представительской монархии, окрепшие во время Смуты и восстановления государственности, оказывали влияние и в Сибири, где казацьи Круги, сходь посадских и крестьян) сотрудничали с воеводским управлением. Умные воеводы понимали, что без этого сотрудничества власть бессильна [ИЭС. Т. 1. С. 318].

Служилые «по прибору» (наряду с крестьянами в зонах земледельческой колонизации) – самая многочисленная категория: в 1624 г. насчитывалось

⁸ В Смутное время наличие вооружённых бывших подданных Речи Посполитой было одним из них. К тому же среди сибиряков имелись люди, симпатизировавшие политическому противнику, подобные «неутомимому авантюристу», сыну боярскому Г. О. Плещееву-Подрезу, заявлявшему в 1660 г.: «Литва де справчива» («Литва одолеет русскую силу») [История Ямала. С. 193].

2 180 служилых (в Тюмени – 326, Тобольске – 730), а в 1699 г. по городовому списку их в Тюмени – 946, Тобольске – 3 321, в Сургуте – 200. Приборное войско складывалось за счёт отрядов правительственных войск, переведённых на «вечное житьё» из ближайших городков, ссыльных и пленных, коренного и аборигенного населения. Принятые в «войско» новички (в т. ч. «новокрещёные») именовались приписными казаками, и лишь их дети могли стать «природными» казаками.

В ходе разборов из «приборных» стали исключать посадских, гулящих и крестьян, которыми могли быть уже и «литвины», получившие в сельскохозяйственной зоне Сибири наделы, которые использовали индивидуально или в складчину, как это случилось у Богдашки Чернецова «воопче, со товарищи») [Балюк].

С другой стороны, пополнялись «казаки литовского списка» новыми уроженцами Речи Посполитой (с которой Москва воевала в 1608–1618, 1632–1634; 1654–1667 гг.): военнопленными, сосланными и бежавшими от крепостничества «литовскими мужиками» (хотя и менее пригодными для службы). Так, через Тобольск в 1652–1663 гг. прошло несколько сот военнопленных, разосланных далее по краю. В результате, например, в 1661 г. в Кузнецком остроге на службе оказался «кузнецкий сын боярский» Пётр Буткеев, ранее «польский дворянин из Минского воеводства, взятый в плен» [Оборкин. С. 149].

На первых порах осевшие в срубленных острогах и городках выполняли оборонительные и несложные представительские функции, а лишь

затем – военно-рекогносцировочные походы и экспансию: торговую, промысловую, сельскохозяйственную, а не только политическую.

Военная тактика сочетала поэтапное продвижение конными и пешими группами вдоль русла рек, по которым шли ладьи с грузом и пушками. При необходимости наступательные действия сочетались с оборонительными, где спешно срубленные острожки могли выдержать осаду в несколько месяцев, а при внезапных нападениях роль укрепления выполняли сгруппированные повозки или даже вертикально составленные лыжи.

По мере движения от среднего течения Иртыша на юг и восток, служилые люди и промысловики оказались на территории с компактным проживанием «язычников», мусульман, буддистов – подданных православного (по идеологии и доминирующему составу населения) государства, интересы которых власть учитывала, отделяя (выделяя) волости, земли, улусы, дючины с родоплеменной организацией аборигенного и коренного населения, осуществляя контакты с ним через прежних князьцов и старшин. У власти же всегда было желание увеличить ясачные сборы и число «ясачных людишек», для чего в первую очередь подходили отряды служилых, отдавая при этом себе отчёт, что это открывало возможности для злоупотреблений. Поэтому особо оговаривалось требование посылать «служилых людей добрых, грамотных, а не воров и не пьяниц и не корыстовщиков» [История казачества. С. 42, 78]. «Литвины» в основной массе этому требованию соответствовали.

Тактика присутствия зависела от задач, но постепенно присоединена тер-

ритория от Обской губы – на севере и до Кузнецкого острога – на юге. Это не означало, что здесь воцарились мир и спокойствие, а с потерями и лишениями в 1607 г. служилые и промышленники дошли и основали в месте впадения притока Турухан в Енисее первое на территории этой части современного Красноярского края постоянное поселение – зимовье «у Николы на Турухане» (Новую Мангазею), а затем прошли на Средний Енисей, откуда «литвин» енисейский десятник Елисей Буза с отрядом дошёл до Ледовитого океана [Ермоленко. С. 18]. С освоением Маковского волока началось активное продвижение по системе рек Обь–Кеть–Кемь–Енисей–Ангара, в котором приняли активное участие и «литвины». Фактически за 100 лет (при жизни двух поколений) присоединено и освоено более 10 млн. км².

О вооружении людей того времени можно судить по сохранившимся предметам: небольшие (заковницы) и среднего калибра (гарматы) пушки, короткоствольные (бандоля) и длинноствольные (фузеи) ружья, булавы и кистени, сабли, которые составляли основной набор вооружения в период присоединения.

Имелись среди «литвинов» оружейники, хотя привычное им западноевропейское (а в России уже трофейное) оружие использовалось в регионе редко.

Нашему современнику вообще трудно представить это пространство Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, где лишь узкой полосой – по берегам рек Тура, Тобол, Иртыш, Обь, Енисей, Лена, Амур – жили новопоселенцы, а остальная территория локально заселена кочевыми племена-

ми. Долго не прекращались их набеги, разорявших слободы и целые уезды [Щеглов]. Да и сама организация этого жизненного пространства складывалась непросто, ибо сибирская земля в начальные периоды её освоения людьми, приходящими со «Святой Руси» (то есть с территории, освящённой православным обычаем), воспринималась (и не только «литвой») как чужая территория («земля нечистая»), где трудно соблюдать требования веры.

Это отражено в Есиповской летописи: «Сия убо Сибирская страна полунощная, отстоит же от Росии царствующего града Москвы многое разстояние. <...> Сих же царств, Российского и Сибирские земли, облежит Камень превысочайший зело., холмом до облак небесных, тако бо Божими судьбами устроишь, яко стена граду утверждена» [ПСРЛ].

Поход Ермака с дружиной стал ярким образцом позитивной энергии «собрания» земель вокруг Московской Руси, и акцент, даже в «Синодике ермаковым казакам», сделан на «взятие» края вольным народом – казаками и Ермаком-простолудинном (инициатива «снизу»), как утверждалось – при Божьем благоволении.

Впрочем, православие могло быть поверхностным не только среди «литвин»: «Несмотря на то, что сургутские казаки регулярно посещали православную церковь, они верили в домовых, водяных, леших, бывали у местных шаманов, широко использовали различные привороты, заговоры и «колдовские зелья». Развитию языческих традиций способствовало и отсутствие надлежащего контроля со стороны тобольских духовных и светских властей, низкий моральный уровень местных священников (пьяниц и вымогателей, людей,

равнодушных к пастырским обязанностям)» [Ульянова].

Присоединение новых земель и их хозяйственное освоение происходило не по инициативе служилых, а по приказу правительства и воевод. На первом этапе освоения именно на служилых людях лежала забота о «сторожевой и станичной службе» на дальних заставах, разведка, оповещение о предполагаемых набегах кочевников, составления опросных речей и сказок о «неведомых землях», которые позже легли в основу картографических материалов и «сказок», в составлении которых, как грамотные люди, «литвины» приняли активное участие. Так, «литвин» Иван Текутьев в 1615 г. отправлен из Томска для поиска торговых путей в Китай, а после возвращения с его слов составлены «статейные списки», до сих пор являющиеся ценным источником сведений по истории Сибири и Китая [Ермоленко. С. 22]. Отец первого сибирского картографа, историка Семёна Ремезова – Ульян повёрстан в 1647 г. в службу в «казаки литовского списка», а уже через три года стал войсковым подъячим, после чего ездил в Степь к Аблаю-тайше с государственным жалованием, сукнами и вытребованным панцирем Ермака – за подчинение Москве. Попутно Ульян собирал сведения, которыми и потчевал сына по возвращению из дальних краёв.

Осмысливая полученные сведения от отца и его сослуживцев, С. У. Ремезов попытался увидеть земной мир как движение. Река исторической жизни течёт в его представлении не только в провиденциальном прямом русле, но имеет и извивы, рукава. Русло может измениться, т. к. начина-

ет действовать человеческий фактор в историческом движении [Казачи. С. 113].

Не обошлось без участия «литвин» сложение «тобольского типа культуры» (характерного и для других городов Западной Сибири), родившегося из пересечения европейских и азиатских традиций [Сибирская], отражая не только их личный взгляд на многообразие окружающего мира, но и культурно-эстетические тенденции эпохи. Выделялись, безусловно, шляхтичи – как «плоды» европейского Просвещения, пронеся в глубь Азии позитивный интерес к природе, идеям и людям, их создавшим.

Одной из главных целей устройства Тарского города стало решение экономической задачи: в наказе А. Елецкому предписывалось «завести в Таре пашню и соль устроить» [Буцинский. С. 149]. С того времени Тара беспрепятственно снабжала Тобольск и др. сибирские города солью, добываемой из лежавших по соседству соляных озёр. Дело в том, что все категории служилого населения в XVII в. имели право на три вида жалованья – денежное, хлебное и соляное. Соляные оклады выплачивались, как правило, в один приём, а хлебное жалованье – одновременно с соляным. Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилых людей, но и внутри определённой категории в разных городах. Так, оклады тобольских служилых были намного выше. Кроме постоянного жалованья, «литва», как и русские казаки, время от времени получали награды за участие в боях. Обычно эта награда составляла 1 руб. за каждого убитого или взятого в плен неприятеля.

По такой же «цене» платили за полученные в боях раны.

Много времени у служилых отнимала ямская и почтовая служба, но она же развивала наблюдательность и пополняла их знания о крае. В 1601 г. в Тюмень воеводе Л. Щербатову пришла царская грамота об устройстве ямской гоньбы [Миллер]. Однако, несмотря на царские предписания, тюменские служилые люди вместе с захребетными татарами ещё долгое время продолжали нести ямскую службу.

Большинство рядовых «литвин» отличала дисциплинированность, но и их «доставали» казнокрадство, мздоимство, нечистоплотность начальства (в т. ч. соплеменников). В 1608–1618, 1624 гг. смуты и непослушания характерны для пелымских служилых людей и крестьян, обращавшихся с жалобами в Тобольск и Москву на конфискацию, наложение оброков и отработок в пользу И. М. Вельяминова. Жалобы удовлетворили – воеводу сместили, хотя в других случаях следствие прибегало к иному разрешению споров: в 1626 г. в тобольскую тюрьму вместе со служилыми отправили енисейского атамана – виновника конфликта. В 1650–1660-х гг. служилые люди и крестьяне вновь предъявили воеводам претензии, обвинив в злоупотреблениях, и добились их замены.

Согласно Соборного уложения (1649) служилые имели право заниматься и мелочной городской торговлей с освобождением от посадского тягла и лавочного оброка при условии платы таможенных пошлин (если не освобождены по государевым указным грамотам). С 1655 г. торговцы и ремеслен-

ники из числа служилых людей обязывались уплачивать в казну «десятую деньгу» («с рубля по гривне») от общей стоимости товаров и средств труда [История казачества. С. 121]. Наиболее предприимчивым удалось на торговле и ремесле заработать сумму, превышающую размер годового жалования. Разрешалась и работоторговля. Служивые могли торговать «от полтины до рубля» и вывозить и ввозить товары на сумму до 50 руб. «бестаможенно и беспошлинно», что в условиях частых задержек в выплате жалования – существенный стимул для участия в походах.

Верхотурский воевода Б. С. Дворянинов попытался в 1648 г. запретить им торговлю в ясачных улусах до завершения сбора ясака. Взамен служилые и посадские люди предъявили воеводе обвинение в оскорблении царя (взыскивал с населения деньги за недобор государевых таможенных пошлин и оброка с мельниц), запретили сноситься с Тобольском и Москвой, отобрали городские ключи и фактически посадили Дворянинова под домашний арест.

Нередкой была и посылка годовальщиков в восточные районы в новые остроги, гарнизоны которых не могли справиться со службой самостоятельно. Такая служба длилась по году, как правило, лишь в близко расположенных от своего гарнизона местах, а при «дальних посылках» служивые оставались в «годовальщиках» обычно по несколько (до 6–8 и более) лет; некоторые – навсегда.

И если жизнь служилых на местах исхода жёстко регламентировалась: обязательны явки на смотры, стрельбы, разрешение начальства на отлучки «на пашню» и «в торги», то в походах чув-

ствовали себя свободнее. Управление жизнью служилого сословия включало элемент «народной демократии» – Круг, в компетенцию которого входили делёж военной добычи, раздача жалования, вопросы войны и мира, отправки и приёма посольств, устройство новых городков, приём и исключение из войска, судопроизводство. Круг мог рекомендовать в атаманы, как произошло с «литвином» О. Михалевским во время похода 1635 г. [Филь. С. 20]. Впрочем, атаманы могли и сместить как не оправдавшего надежд: в 1647 г. так отстранён навязанный «литве» Г. Денисов [Гончаров].

Редко когда походы на восток и юг обходились без лишений, военных стычек и жертв: половину потерял отряд «литвина» А. Добринского (Добритцко-го) и М. Васильева в наскоро срубленном острожке, осаждённый «якутские орды многих людей» [История казачества. С. 29]. Отряд Попова первым прибыл на Камчатку, и, хотя почти все его участники погибли, сведения о самом большом восточном полуострове были получены, а затем, наряду с прочими, обобщены С. У. Ремезовым в 1701 г. в «Чертёжной книге Сибири».

Служилые вообще часто привлекались в качестве рабочей силы, матросов, проводников, толмачей (да и сын боярский Н. Жадобский знал татарский и калмыцкий), для охраны многочисленных исследовательских экспедиций и выполнения ответственных поручений: метеорологических наблюдений, картографирования, сбора сведений исторического, этнографического, географического, геологического характера. Специально направлялись «литвины»,

как знакомые с горным делом, для поиска «серебряной руды» [Филь. С. 23].

Как далеко забрасывала судьба людей «литовского списка»? Они приняли участие в Великих географических открытиях: осваивали морские пути вдоль северо-восточных и восточных побережий Сибири, прошли Беринговым проливом, открыли Аляску (Д. И. Павлуцкий), Курильские острова (И. Козыревский, Евреинов) и ряд островов в Ледовитом океане [Ермоленко. С. 5; История казачества. С. 48; История становления]. Конечно, не только «литве», а всем сибирякам принадлежит приоритет в определении границ и сфер политического и экономического влияния на Дальнем Востоке. Так, наблюдали Сахалин «литвинские» сподвижники В. Д. Пояркова, вышедшие в устье Амура в 1644 г., а через 11 лет они вновь отправились туда для подчинения сахалинцев и сбора ясака, опередив японцев.

Служилые люди первоначально стояли на охране рубежей до той поры, пока «не пали глубокие снега», а по мере освоения азиатских территорий «годовая служба» растягивалась: в Даурии от 2 до 8 лет, а в Красноярске по 5–6 лет. При продвижении на восток существовала система ранжирования: некоторые дети боярские, как командиры отрядов землепроходцев, стали считаться основателями городов и их первыми воеводами (казачьими атаманами). Лишь иногда в отдалённых зимовьях рядовые становились «приказными», «дозирали» земли и «прибирали» в слободах крестьян, управляли на Кольвано-Воскресенских заводах приписными крестьянами: «Без казаков никак обойтись невозможно, как оные употребляются в такие службы, в каковых

никакие чины способны быть не могут» [История казачества. С. 58–59].

Упомянувшийся выше выходец с Могилёвщины Ян Куча вошёл в историю как глава посольской миссии в Джунгарию, проложив «российский политический путь» в Центральную Азию [Ермоленко. С. 21]. В 1685 г. служилые, собранные в полк в Тобольске, Тюмени, Туринске, Верхотурске под началом уроженца Пруссии Афанасия Бейтона (успевшего поучаствовать в войне с Речью Посполитой на стороне россиян), прибыли для защиты Албазина, где с июля 1686 г. по август 1687 г. гарнизон выдержал осаду маньчжуро-китайского войска, превосходившего его по численности в 10 раз, остановив притязания Китая на левый берег Амура. Нерчинский трактат 1689 г. послужил основой для уничтожения Албазинской крепости, но оставшиеся там сибиряки (вместе с пленёнными ранее) уведены в Пекин, где им выделили отдельное подворье, включили в наследное военное сословие Цинской империи под названием Русской сотни.

Одетые в форму маньчжурской гвардии и женатые на китайках сибиряки перестроили буддийскую кумирню в Никольскую церковь (сохранилась и ныне) и под духовным окормлением священника М. Леонтьева основали первую в Китае Русскую православную миссию, исполнявшую до 1864 г. и дипломатические функции. К тому времени пекинские потомки сибиряков уже позабыли своё родословие...

В Сибири воинская выучка «литвин» оказалась востребована: в 1659–1661 гг. сформированы два полка «нового строя»: рейтарский (скомплектованный из детей боярских, «литвы» и конных

казаков) под командованием полковника В. Ф. фон Зейца и солдатский (полковника Д. И. Полуехтова), набранный из пеших казаков, детей стрельцов, крестьян и посадских. Для «литвы» служба по западноевропейскому образцу привычна, к тому же большую часть штаб- и обер-офицеров составляли иностранцы. Поэтому не удивительно, что местные служилые люди составили существенную часть унтер-офицеров. И даже когда воевода П. И. Годунов в 1667–1669 гг. упразднил оба полка, организовав полк драгун, в его составе осталось немало «литвин».

В 1677–1680 гг. также предпринята попытка реорганизации драгун, но она закончилась неудачей: драгун объединили с беломестными казаками Тобольского уезда, в 1686 г. переводя их на службу «с пашни» и лишив денежного жалования. В соответствии с реформой в 1698 г. из «литвин», сибирских драгун и беломестных казаков сформировали Тобольский (с 1711 г. – Сибирский) драгунский гарнизонный полк, переименованный позднее в Якутский и передислоцированный в Забайкалье для охраны российско-китайской границы. Известно, что по «литовскому списку» в 1701 г. в Сибири проходило 2 019 чел. – это была их последняя перепись [Ермоленко. С. 22]. В 1725 г., но уже после смерти Петра I, губернатор М. В. Долгорукий добился утверждения в Сенате штатного расписания служилого войска, общая численность которого в Сибирской губернии составляла 9 360, а самая большая – в Тобольске – 1 150 чел. По «долгоруковским штатам» предусматривалась ликвидация деления на «списки», вводилась унификация начальствующего состава.

Ликвидация «литвы» шла и за счет оседания на землю: Указ 1710 г. обязал местную администрацию переводить даже дворян и детей боярских с хлебного жалования на службу с пашни «за полные оклады, а земли отводить им наделы против полных их окладов из порозших земель» [Казаки. С. 65].

Так закончилась официальная история «литвы» как служилого сословия, частью перечисленного в крестьяне или разночинцы. Это совпало с общей тенденцией обрусения «литвы», «черкас» и «поляков», но их «следы» присутствуют доныне: среди сибиряков немало Шляхтичей, Корсаковых, Лях, Угренных и др. [История Ямала. С. 183; Филь. С. 24]. В ряде случаев, тоскуя по родине, иные пытались отразить в фамилии местность, из которой прибыли. Так появились Аршинские, Ивановгородские, Полоцких (финалия на ых/их сложилась под влиянием сибирского старообрядчества), а Литвины, Литовченко, Литвиных подчеркивали свои «литвинские» корни [Казаки. С. 134]. Возможно, что выдающийся российский изобретатель, уроженец Алтая Степан Литвинов из их числа [БСЭ].

При строительстве острожных стен первых городков освоители Сибири использовали разобранные ладьи. Так, из «ладейного дерева» срублена крепостная стена в Тобольске, обнаруженная во время археологических раскопок 2007 г. Бревно из той стены, стоящее в рабочем кабинете, когда-то было мачтой (на что указывает отверстие в его основании), к которой, возможно, прикасалась рука неведомого нам «литвина», приплывшего «за три-девять земель»...

Таким образом, выходцы из Великого княжества Литовского, а впо-

следствии Речи Посполитой внесли существенный вклад в освоение Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на то, что некоторые из них на первых порах были настроены враждебно по отношению к Русскому государству в течение XVII в. сибирская «литва» была вовлечена в ассимиляционные процессы, чему способствовала помимо всего прочего не-

хватка женщин своей национальностью. Во время царствования Петра I официальная история «литвы», как служилого сословия завершилась, так как служилые люди были переведены в крестьяне или разночинцы. Это совпало с общей тенденцией обрусения небольших этнических и национальных групп – выходцев из Европы, находившихся на русской службе.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 94.
- Балюк Н. А.* Роль сибирского казачества в хозяйственном освоении Зауралья в конце XVI–XIX вв. // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 18.
- Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в 16–17 вв. Москва, 1955. С. 163, 187.
- БСЭ: [в 30 т.]. Т. 14. М., 1973. С. 506–507.
- Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых её насельников // Соч.: [в 2 т.]. Т. 1. Тюмень, 1999.
- Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р.* Очерки истории города Тары конца XVI–начала XX в. Барнаул, 2010. С. 25.
- ГБУТОГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 440 (об.).
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. VII. Р. III. Київ, 1985. С. 3
- Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965.
- Житие Василия Мангазейского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10). Новосибирск, 2001. С. 345–346.
- Ермакова Е. Е.* Заговорно-заклинательная традиция Тюменской области (тексты заговоров в записях 1980–2000-х годов). Москва, 2008. С. 251.
- Ермоленко В. А.* Белорусы и Русский север. Минск, 2009.
- ИЭС: [в 3 т.]. Новосибирск, 2009.
- История казачества Азиатской России: [в 3 т.]. Екатеринбург, 1995.
- История становления казачества в Зауралье и Сибири. Тюмень, 2004. С. 2.
- История Ямала: [в 2 т.]. Т. 1. Кн. 2. Екатеринбург, 2010.
- Казачество в Тюменском регионе от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010.
- Карабулатова И. С.* Православный и казачий фактор в именах тюменских татар Тобольской губернии XIX в. // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2012. С. 94.
- Клюева В. П.* Иностранцы в Сибири // Национальное обозрение: этнографо-метод. сб. Тюмень, 2007.
- Колоткин М. Н.* Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994. С. 12–14.
- Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. науч. тр. – Новосибирск. 1986. С. 41.
- Luber S., Rostankowski P.* Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kozaken // Geschich. Ost. Europas, 1980. Bd. 28. S. 389–390.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири: [в 2 т.]. Т. 1. Москва–Ленинград, 1937. С. 288, 357, 359, 367, 396, 445; Т. 2. Москва–Ленинград. 1941. С. 34, 151, 164, 216, 236, 252, 266, 292.
- Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 50–51.
- Оборкин А. И.* Проблема датировки Бердского острога и происхождения его служилых людей // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 149.
- Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 3, 55.
- ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. Москва, 1987. С. 43–44.

РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 349–353.
Сибирская советская энциклопедия: [в 4 т.].
Т. 3. Новосибирск, 1932. Стб. 168.
Степанченко В. И. Казачьему роду нет пере-
воду! Очерки истории казачества. Санкт-Петер-
бург, 2001. С. 48.
Тобольск. Материалы для истории город
XVII и XVIII столетий. М., 1985. С. 27.
ТГВ. 1859. № 4. Отд. 2. Часть неофициаль-
ная. С. 4.
Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце
XVI–XVIII вв.: автореф. дисс. к. ист. н. Сургут,
2006. С. 21.

Филь С. Г. Гуманитарные арабески о поль-
ском и русском наследии. Тюмень, 2010.
Шунков В. И. Очерки по истории колониза-
ции Сибири в 17 – начале 18 веков. Москва–Ле-
нинград, 1946. С. 15–51.
Щеглов И. Б. Хронологический перечень
важнейших данных из истории Сибири. Сургут,
1993. С. 135.
Єндик Р. Вступ до расової будови України.
Мюнхен, 1949.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ – Большая Советская энциклопедия
ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное
учреждение Тюменской области «Государствен-
ный архив Тюменской области»
ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири

РИБ – Русская историческая библиотека
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей,
издаваемое Археографической комиссией
ТГВ – Тобольские губернские ведомости

XVI–XVIII AMŽIŲ SIBIRO „LIETUVOS“ ISTORIJA

Pija V. Lotkin, Aleksandr P. Jarkov

S a n t r a u k a

Straipsnis skirtas Sibiro „litvinų“ istorijai XVI a. pabaigoje–XVIII a. pradžioje. Sąvoka Sibiro „Lietuva“ atsirado Vėlyvaisiais viduramžiais ir reiškė iš pradžių Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės, o vėliau Abiejų Tautų Respublikos valdinius. „Litvinai“ dalyvavo Rusijai politiškai ir ekonomiškai įsisavinant Sibirą bei Tolimuosius Rytus. Jie įne-

šė esminį indėlį, formuojant ypatingą „Tobolsko kultūros tipą“ (jis buvo būdingas ir kitiems Vakarų Sibiro miestams), jungusį Europos ir Azijos tradicijas. Sibiro „litvinų“ luominė asimiliacija baigėsi 1725 m., kai oficialiai buvo panaikintas „lietuvų sąrašas“ ir įvestas tarnybinės kariuomenės etatų sąrašas.

HISTORY OF THE 16–18TH CENTURY SIBERIAN “LITHUANIA”

Pija V. Lotkin, Aleksandr P. Yarkov

S u m m a r y

Article is devoted to history Siberian “litvins” the end of XVI – the beginning of the XVIII centuries. The concept “Lithuania” appeared in the Late Middle Ages, designating at first citizens of Grand Duchy of Lithuania, and then the Polish-Lithuanian Commonwealth. Litvins took part in political and economic development of Siberia and the Far East.

They made an essential contribution to formation special “the Tobolsk type of culture” (characteristic and for other cities of Western Siberia), uniting the European and Asian traditions. Class assimilation Siberian litvins came to the end in 1725 when “the Lithuanian list” was officially abolished and the staff list of “sluzhily” army is entered.

Įteikta 2013 07 07
Parengta skelbti 2013 09 09
Поступило 07 07 2013
Подготовлено к печати 09 09 2013